

№ 137 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

ЛЮБОВЬ

Способности любить ближних своих также просим мы у Бога в молитве Ефрема Сирина. «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему».

Я думаю, никто не будет спорить, что с любовью у нас с Вами совсем плохо. Начнём с того, что мы не очень понимаем, что вообще от нас хочет Господь, когда заповедует любить друг друга. Ну, вызвать карету «скорой помощи», если кому-то поплохело – это понятно, одолжить соседу денег до зарплаты, если человек нормальный – это, да, или место уступить старушке в общественном транспорте. Ну а любить встречного и поперечного – это вообще, кажется, нереально. Тут в семье ладу не дашь. Муж с женой каждый день скандалят, с детьми общий язык не найти, а уж что касается людей посторонних – это вообще немислимо! Тем более, сердцу не прикажешь – как вообще можно себя заставить кого-то любить. Оно, конечно, неплохо было бы в действительности – проснулись в одно прекрасное утро – и все люди планеты Земля любят друг друга, цветы дарят. Войны прекратились, ссоры, споры. Рай на земле воцарился бы в одночасье. Да, но это мечта, идеал, на который указывает нам Бог, но это же нереально, по крайней мере, в наше время и в наших условиях. И Бог-то не может этого не понимать, поэтому, дескать, пусть прощает.

Другими словами, корень проблемы в её отсутствии. Мы не чувствуем того, что наши отношения к ближним не совсем правильные. Наоборот - больно сволочей много вокруг нас. И любить **кого** – вот эту скотину? Как его вообще земля выдерживает!

Начнём, наверное, с того, что у нас с языком не всё в порядке. Насколько богатый русский язык, но насчет любви - полная нищета. В греческом языке 5 слов, обозначающих разные аспекты любви, в еврейском 3, даже в украинском 2 – «любов» и «коханья», а, вот, в русском - всего лишь одно, которое обозначает всё и одновременно - ничего. И к Родине любовь, и в постели – любовь, и к другу любовь, и к невесте любовь, и к сыну любовь и к стакану вина лю-

бовь. «Козочку люблю - такая хорошенькая бе-гает на моём участке. Под Рождество зарезу – жаркое будет на славу».

Ну, язык языком, но большинство людей и умом не могут отличить любовь к коровке от любви к говядине. Когда муж говорит жене, что любит её – что под этим подразумевается? Хочу, чтобы **ТЕБЕ** было со мной хорошо? Или хочу, чтобы **МНЕ** с тобой было хорошо? Это, между прочим, принципиально разные отношения, но большинство народу даже для себя самих не задаются вопросом – предположим, да, я таки люблю этого человека, но как люблю? Как курочку на ужин? «Сладкий мой зайчонок, я тебя съем!»

Язык древнерусский также не отличался словесным богатством выражений любви, однако, то главное, общеупотребительное слово, обозначающее любовь, было более конкретным, удачным и, в конце концов, правильным.

«Он её любит», - говорим мы сегодня, а лет 150-200 назад то же самое сказали бы другому – «он её жалеет». Причём, как Вы понимаете, слово жалость в старом употреблении имело немного другое звучание. Сегодня сказать – «я его жалею» имеет оттенок унижительный. Если я кого-то жалею, значит, я **НАД** этим человеком, а он, бедняга-неудачник, где-то у моих ног. Вот **такого** оттенка в древнерусском слове «жалость» не было. Зато содержалась драгоценная часть содержания этого слова. «Он её жалеет» – что это значило? Что ему было больно, когда ей приходилось ходить на речку за водой и тащить оттуда тяжёлые вёдра, и он бежал ей помогать. Его сердце кровью обливало, когда ей нужно было слабыми женскими ручёньками стирать грубую холстину, и он при любой возможности старался на **себя** взять самую тяжёлую работу. Он не мог спокойно смотреть, если она некрасиво или нетепло одета, он расстраивался, когда ей было грустно и т.д.

Понимаете, вот это древнее слово «жалеть», оно сообщает правильный вектор в отношениях между людьми. Потому что нынешнее слово «любит» - мало того, что размыто, оно, плюс ко всему, еще и затаскано. Основные ассоциации уже совершенно иные. Сегодня сказать: «я её люблю», как правило, означает ровно то, что «мне рядом с ней хорошо». Хорошо ли ей рядом со мной – этот вопрос выпадает. В конце концов, это **её** проблема, главное, чтобы **мне** было с ней хорошо. Вот если она меня бросит, тогда уже это **моя** проблема будет. Поэтому, надо как-то вести себя компромиссно – нельзя не учитывать и её интересы – себе же дороже обойдется.

Так вот: «хочу, чтобы **мне** было хорошо с тобой» - да, это любовь, но не к другому, а к самому себе. Поэтому, сплошь и рядом происходит обман. Когда люди говорят друг другу: «я тебя люблю» - они, как правило, лгут, в первую очередь, себе самим, ну и, конечно, друг другу. Иногда **искренне** лгут, не понимая, что на са-

мом деле правильнее было бы сказать: «Дорогая, ты обладаешь характером, темпераментом, интеллектом, сексапильностью и прочими качествами, которые могут мне на протяжении какого-то, может быть, достаточно значительного времени доставлять удовольствие и комфорт. Я понимаю, что футбол не бывает в одни ворота. Мол, посмотри на меня – али я не весел, али не красив? Тебе, ведь тоже, глядишь, хорошо будет со мною». Почему бы и нет? Часто всё это бывает и взаимно. И он любит только себя, и она любит только себя. А друг с другом живут потому, что ему хорошо с ней, а ей хорошо с ним. Ну, как правило, это ненадолго и, тем не менее, такой вот тандем двух эгоистов почему-то называют любовью, так оно и звучит в современном словоупотреблении. А вот в старом, такой абракадабры не получится. Если он её **жалует**, значит, понятно – он хочет, чтобы хорошо было, в первую очередь, **ЕЙ**, значит, он её действительно любит.

Во-вторых, древнерусское слово жалеть содержит некую динамику. Любить – означает нечто чувственное. Ходит человек и переживает от чувства к чувству – то в жар его бросает, то в холод. Другие могут об этом и не подозревать – это внутренняя проблема любящего. А вот жалеть – это не столько проникаться чувствами, сколь **действовать – проявлять** своё отношение в пользу дорогого тебе человека, беречь его.

И вот уже **этот** аспект более понятен и применим в любви к ближним. Понятно почему. Какие могут быть сентиментальности к человеку, который мне отвратителен? А вот пожалеть можно и несимпатичного, и неуважаемого, и даже врага.

К этому как раз и призывает нас Бог – не к экзальтированным переживаниям, не к сентиментам, не «от чувства к чувству», а к тому, чтобы мы, глядя на ближнего, понимали, что он тоже чадо Божие – да, грешное, да, испохабленное грехами, но нуждающееся – может быть, в нашем прощении, или простом минутном человеческом внимании, или услуге, которую, быть может, мы даже обязаны ему оказать, скажем, по своей профессии. Если Вы, предположим, чиновник, и Вы в **любом** случае должны выдать этому посетителю бумагу. Но это сделать ведь можно по-разному – довести человека до белого каления – двадцать раз прогонять его по кругу, а можно и душевно – помочь человеку, как родному. Причём, разница-то в усилиях не очень большая. Или ты продаешь товар – **как** ты относишься к покупателю – как к средству сбыть свой товар или как к брату во Христе?

Любая сфера нашей деятельности – это полигон для учений, это школа любви. Каждую минуту перед любым из нас выбор – **как** врач отнесётся к больному, и, наоборот, больной – может, даже спасибо не скажет? Как учитель – к своим ученикам? С душой он будет преподавать свой предмет или по обязанности? А вот мой

конкурент – как я поведу себя с ним – забуду, что он такой же человек, как и я, или буду стараться сохранить к нему уважение? К врагу отнестись с сожалением и быть готовыми подать ему руку помощи. **Этого** хочет от нас Бог. При чем, не надо оваций, не надо фейерверков, пламенных речей и слёз. Не надо гигантомании – от тебя никто не требует стать спасителем человечества – ты просто улыбнись, только не американской резиновой улыбкой, а искренне, скажи два слова, но только не формально, а от сердца, и это **уже** будет уверенным шагом к исполнению Господней Заповеди о любви.

И ещё один изъян – в понимании многими христианами заповеди о любви к ближним. Многие думают, мол, да, Господь заповедал любить ближних, ну, конечно же, мы должны как-то стараться. Не перечить же Господу! С другой стороны, заповедь то, ведь, тяжёлая, и Бог прекрасно это понимает – ну, разве, Он не простит мне того, что я там кого-то недолюблю-ваю? Бог же добрый?

Бог-то простит, но проблема здесь не в прощении, а в нас самих. Мы ведь с Вами хотим в рай, а не в ад. А в раю – проблема – там Христос. А Христос – беда ведь какая – Он добрый. И нам будет очень неудобно. Представьте себе – Гриша мне враг, моя воля, я б его к стенке поставил. А Христос возлюбил моего самого заклятого врага, он ради этого Гриши на Крест взошел и умер. Так кто же после этого для меня Христос? Если Гриша для меня враг, а Христос любит Гришу, значит, перефразируя известную поговорку, получается так – скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто мой враг. Друзья моих врагов – это мои враги. Другими словами, мы с Иисусом будем по разные стороны баррикад, причём, компромиссов на том свете не получится. Это мы **здесь** можем помыслить одно, сказать другое, а сделать третье. Улыбнуться, а про себя подумать – что б ты сдох. Там все мысли и чувства на виду, там ничего не скроешь. По меньшей мере, ты будешь чужим Христу – у тебя с Ним не будет ничего общего. Он, ведь, любит всех, а ты этому не научился – кроме, как любить себя – у вас интересы будут разные, вы для друг для друга будете утомительными, и, в конечном итоге, постараетесь держаться друг от друга подальше. Ну а подальше, это где? Там, где нет света, там – тьма, там, где нет Бога, там ад.

Поэтому любовь к ближним не должна быть для нас каким-то абстрактным пожеланием. Научиться любви, стать добрыми, милосердными, жалостливыми, доброхотными, снисходительными это **самая главная задача жизни**. Любовь и только любовь может быть тем мостом, который сблизит нас с Богом, сроднит нас с Ним. А если в нашем существе не будет этого качества – нам с Богом делать нечего, а Ему с нами – и подавно.